

Н.С. Кудрявцева

**ВРЕМЯ КАК ОЩУЩЕНИЕ И ФИЛОСОФСКАЯ
МЕТАФОРА: МЕЖДУ УНИВЕРСАЛЬНОЙ
ПЕРЦЕПЦИЕЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫМ
ДЕТЕРМИНИЗМОМ**

Современный лингвокогнитивный подход к изучению метафоры, противостоящий ее традиционному пониманию как литературного приема, признает большинство абстрактных понятий, в том числе и время, метафорическими. Ввиду появления таких концептуальных метафор не только в универсальном человеческом опыте, но и в условиях специфической лингвокультурной среды данная перспектива позволяет говорить об их лингвистической относительности на уровне как обыденного, так и философского дискурса.

Ключевые слова: время; концептуальная метафора; лингвистическая относительность; метафизика времени.

The modern cognitive view of metaphor, opposed to its traditional understanding as a literary device, suggests that abstract concepts, time including, are largely metaphorical. In view of their being a product of not only universal embodiment, but also a certain language / culture specific environment, the cognitive perspective raises the question of their linguistic relativity at the levels of ordinary as well as philosophical discourse.

Keywords: time; conceptual metaphor; linguistic relativity; metaphysics of time.

Сорок раз в секунду электрические импульсы пронизывают человеческий мозг, что, по мнению некоторых современных нейробиологов, выступает регулятором нашей мозговой активности, а также многих других биологических ритмов, и представляет собой так называемые «внутренние часы» человека.

Ощущение времени есть, несомненно, явление биологической природы, свойственное всем организмам, способным фиксировать различные формы периодичности. Движение небесных тел, смена времен года, дня и ночи, а также другие регулярные, чувственно воспринимаемые процессы составляют для человека универсальную перцептивную основу понятия о времени.

Вместе с тем наблюдать время само по себе невозможно – даже если оно действительно существует как некая «вещь-в-себе». Ввиду этого, очевидно, человек и развил способность отвлекаться от биологически обусловленного ощущения времени и создавать абстракции, принимаемые нами за время, необходимое для измерения изменений и учета происходящих событий. Таким образом, наше абстрактное время представляет собой метафору, определяемую относительно других непосредственно воспринимаемых сущностей.

Обосновав функционирование метафоры с позиции «универсального воплощения» (*universal embodiment*), авторы теории концептуальной метафоры (ТКМ) Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson 1980] эксплицировали ее всеохватывающее значение – метафора является незаменимой, так как в некоторых случаях она представляет единственный способ выражения мысли. В соответствии с последними разработками ТКМ, метафорическая концептуализация в естественных условиях осуществляется при одновременном давлении двух факторов: универсальной перцепции, определяемой общностью человеческой физиологии, и специфического социального контекста, обусловленного конкретной культурой и языком [Kövecses, 2010, с. 204].

Принимая во внимание тот факт, что метафорическая концептуализация не сводится к использованию готовых, так сказать, универсальных метафор, но является собой изначально творческий процесс, особый интерес в контексте современных релятивистских исследований приобретает изучение конкретно-языковых аспектов этого творчества в указанной парадигме ТКМ.

Следует отметить, что на фоне антропоцентрической перспективы универсального воплощения факт происхождения людей из разных культурных и языковых сред всегда выделялся и был признан даже в «классической» версии ТКМ (см., напр.: [Lakoff, 2006, р. 208, 210, 212]). В лингвокогнитивных исследованиях настоящего времени межкультурное варьирование концептуальных метафор систематизируется по двум типам: в одном случае различаются «видовые» (specific-level) метафоры, в то время как «родовая» (generic-level) метафора остается неизменной; в другом случае специфическая лингвокультурная метафора актуализирует изначально отличный набор исходных доменов (source domain) для структурирования целевого домена (target domain), представляя собой особую метафору «родового» уровня (см.: [Kövecses, 2010]).

Домен времени имеет особое значение в современных когнитивных исследованиях, так как время предстает здесь как лингвокультурный концепт, репрезентирующий результат взаимодействия универсальной перцепции, специфической культурной традиции и конкретного естественного языка. Предположение о существовании двух универсальных метафор времени, фиксирующих понимание времени в терминах пространства (TIME PASSING IS MOTION [Lakoff, 1993] and THE FUTURE IS IN FRONT / THE PAST IS BEHIND [Lakoff, 1987]), высказанное Дж. Лакоффом на заре посткогнитивизма, подверглось обоснованному пересмотру в связи с результатами сравнительного анализа разнообразных экзотических языков, выявивших наличие нескольких альтернативных концептуализаций (см.: [Boroditsky, Gabi, 2010; Sinha et al., 2011; Núñez, Sweetser, 2006; Núñez et al., 2012]).

В новейшей временной типологии В. Эванс [Evans, 2012] развивает тезис о том, что темпоральные системы качественно отличаются от пространственных. Указывая на мимолетность темпоральной референции, В. Эванс считает ошибочным ее сведение всецело к пространственному опыту. Он выделяет три типа темпоральных систем, связанных с тремя различными типами мимолетности. Действительная система воспроизводит классические метафоры движущегося времени (напр., *приближается Новый год*) и движущегося его (напр., *мы приближаемся к Новому году*). Линейная система характеризуется приспособлением движения событиям

и осмыслиением их в линейном порядке (напр., *за воскресеньем следует понедельник*). Внешняя система предполагает понимание времени как одного «нескончаемого» события, внутри которого совершается все остальное. Здесь темпоральная референция фиксируется посредством указания на некоторые внешние периоды (напр., *время приближается к 11.00*).

В контексте когнитивно-релятивистского подхода, характерного для вышеупомянутых работ, представляется возможным эксплицировать лингвокультурную вариативность в концептуализации времени посредством прототипического анализа терминологических обозначений философской категории времени в индоевропейских языках. В нашем исследовании конкретному рассмотрению подлежат такие философские термины, как динд. *kālāh*, *vēlā*; гр. *χρόνος*; лат. *tempus*; русск. *время*; укр., блр. *časъ*; англ. *time*; нем. *Zeit*.

Время является базовой онтологической категорией философии, и его метафизическое осмысление неотрывно связано с тем «обыденным» восприятием времени, которое фиксируют конкретные естественные языки. Рассмотрение того, как именно те или иные особенности языка влияют на оформление основных философских понятий и формируют философский дискурс в целом, располагается на высшем уровне лингвистической относительности – дискурсивном.

Прототипический анализ [Evans, 2012, р. 328–357] систем значений выше указанных терминов, примененный к данным семантической реконструкции терминологических обозначений категории времени в индоевропейских языках, дает возможность представить каждый из терминов как полисемантическую единицу, система значений которой формируется путем установления значений родственных ей словоформ по исходному для данной единицы корню и его семасиологическим параллелям. Рассмотрим разработанный нами методологический подход к анализу специфических лингвокультурных метафор на примере системы значений псл. основы **vermtę*, исходной для русск. *время*:

исходный корень ие. *uer(t) - “вертеть, крутить, поворачивать”

историко-деривационное гнездо:

русск. <i>вертеть</i>	п. <i>viercić</i>	дирл. <i>Vrotah</i>
русск. <i>верста</i>	влуж. <i>wjerceć</i>	дисл. <i>verpa</i>
укр. <i>вертіти</i>	нлуж. <i>wjeršeś</i>	лит. <i>verciu</i>
болг. <i>въртятъ</i>	динд. <i>vártatē</i>	лит. <i>virsti</i>
схв. <i>вртети</i>	динд. <i>vártayati</i>	лтс. <i>vèrst</i>
слн. <i>vrtéti</i>	лат. <i>vertō</i>	prus. <i>wīrst</i>
ч. <i>vrtéti</i>	гр. <i>δέμβειν</i>	prus. <i>wartint</i>
слц. <i>vrtiet'</i>	дирл. <i>forrach</i>	гот. <i>wairpan</i>

Схема 1.

Результаты семантической реконструкции русск. *время*, производного от псл. **vermę* [Харитонова, 1992, с. 68–69; ЕСУМ, 1982, с. 432–433; Фасмер, 1986, с. 361–362; Pokorny, 1959, р. 1156–1158].

Если мы рассматриваем каждый философский термин как полисемантическую единицу, мы можем представить номинативное поле термина, т.е. все понятия, именуемые данным словом, как прототипическую категорию, где центральными, прототипическими значениями окажутся те, которые наиболее часто актуализируются в различных словообразовательных процессах:

- «вертеть» (13) – прототипическое значение
- «поворачивать» (4) - «сгибать» (1)
- «становиться» (3) - «мера длины» (1)
- «верста» (1) - «богиня рождения» (1)
- «крутиться» (1) - «бог изменений и
- «вращаться» (1) преобразований» (1)
- «переворачивать» (1) - «вращать» (1)

Схема 2.

Номинативное поле термина на примере русск. *время*

Таким образом, выявленные прототипические значения дают указание на различные чувственно воспринимаемые объекты и процессы, послужившие основанием для развития разных метафорических абстракций времени. Выявленные прототипы конкретноязыковых темпоральных номинаций затем сопоставляются друг с другом путем построения фрейма философской категории времени. Фрейм в когнитивной семантике является представлением схематизации опыта, т.е. структурой знания, репрезентируемой на концептуальном уровне и хранящейся в долгосрочной памяти человека. Фрейм связывает элементы и сущности, ассоциируемые с определенной ситуацией, и как целое определяет значение каждого отдельного слова, обозначающего тот или иной входящий в него элемент. Во фрейме наличествуют атрибуты, описывающие аспекты некоторых, но необязательно всех членов категории, и смыслы (values), репрезентирующие подтипы атрибутов [Evans, 2012, р. 222–225]. Ввиду того что современные релятивистские концепции характеризуются обязательным сочетанием элементов универсализма и релятивизма, именно фреймовое представление философской категории времени является, по нашему мнению, наиболее эффективным способом систематизации данных прототипического анализа.

Представленная схема фрейма философской категории времени демонстрирует, что на общем фоне избранных индоевропейских языков метафизическому представлению о времени присущи такие атрибуты, как «цикличность», «изменение», «быстротечность» и «дискретность». Атрибут дискретности характеризуют два подтипа: «наполненность событиями» и «незаполненность событиями».

Вместе с тем философские концептуализации времени в отдельных языках не совпадают, и, как свидетельствует прототипический анализ, даже в общих атрибутах фрейма конкретные терминологические обозначения номинируют понятия о времени, абстрагированные от разных чувственно воспринимаемых вещей и действий. Метафизика времени, свойственная древнеиндийским диалектам, состоит из представления о времени как о цикличном, связанном с изменениями и быстротечном. В русском языке проявляется сходная концептуализация, за исключением атрибута быстротечности. Античное философское понимание времени, наоборот, объединяет в себе атрибуты дискретности в смысле

временных отрезков, обязательно ассоциирующихся с некоторыми событиями, и быстротечности, так же как и понятие о времени, фиксируемое украинским и белорусским терминами. Латиноязычная метафизическая концептуализация времени, предполагая дискретность, тяготеет к аналогии с пустым пространством, т.е. содержит понятие о времени как о ничем не заполненных интервалах. Противоположным латинской концептуализации выступает понимание времени, обозначенное английским и немецким терминами, которое сводится к дискретности в смысле временных периодов и моментов, обязательно «заполненных событиями».

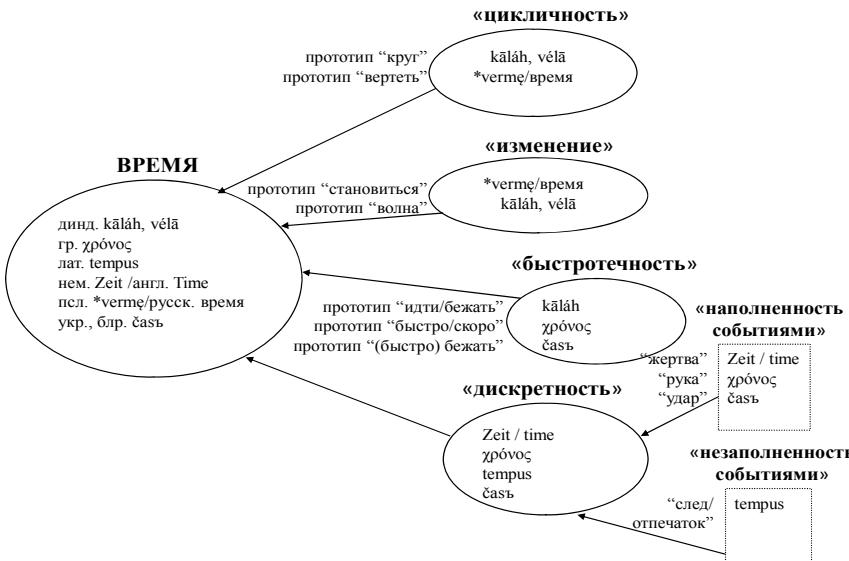

Схема 3
Фрейм философской категории ВРЕМЯ
на материале индоевропейской языковой семьи

Как свидетельствуют результаты проведенного анализа, время в философском понимании концептуализируется двумя альтернативными метафорами: ВРЕМЯ – ЭТО КРУГ и ВРЕМЯ – ЭТО ЛИНИЯ, которые являются специфическими лингвокультурными метафорами так называемого «родового» уровня. «Родовая» метафора ВРЕМЯ – ЭТО КРУГ варьируется по двум направлениям и

предстает как ВРЕМЯ – ЭТО БЫСТРО ВРАЩАЮЩИЙСЯ КРУГ / КОЛЕСО в древнеиндийских диалектах, а также как ВРЕМЯ – ЭТО ВРАЩАЮЩИЙСЯ КРУГ / КОЛЕСО на фоне тех славянских языков, где соответствующие термины происходят от праславянской основы **verme*. Если вариации метафоры круга почти тождественны, общая концептуализация времени как линии характеризуется противоположными разновидностями: ВРЕМЯ – ЭТО СОБЫТИЕ в греческом, английском, немецком, украинском и белорусском языках, а также ВРЕМЯ – ЭТО ПУСТОТА (ПУСТОЕ МЕСТО) в латыни.

В отличие от древнеиндийского философско-мифологического мировоззрения, которое фиксирует представление о времени как об огромном колесе (прототипы «круг», «колесо»), которое пребывает в постоянном круговом движении (атрибут «цикличность»), античное понимание времени связано, прежде всего, с атрибутом «дискретности». Это, в свою очередь, формирует философское представление о времени как о временных отрезках, выстроенных в линейной последовательности. В попытке доказать иллюзорность движения ученик Парменида Зенон утверждает, что летящая стрела тем не менее пребывает в покое. Его аргументация сводится именно к дискретизации времени: в каждый момент времени стрела находится в конкретном месте, занимая отрезок пространства, равный ее длине. В то же время моменты времени суть не абстрактные интервалы, но соотносятся с событиями (вещами). Прототип «жертва» у германских терминов нем. *Zeit* и англ. *time* указывает на первоначальную ассоциацию с событием жертвоприношения, равно как и центральное значение «удар (в гонг)» у укр., блр. *часъ*, а прототип «рука» у гр. *χρόνος*, вместе со значением соответствующего исходного корня ие. **gher-* «хватать», – на нечто, т.е. вещь, которую можно взять рукой. Описанное понимание времени представляет собой то, что принято называть «реляционной» концепцией времени Аристотеля: он не рассуждает о времени отдельно от событий и, указывая на необходимость времени быть посчитанным, имеет в виду именно исчисляемость вещей и событий [Аристотель, 1981, с. IV, 10–14].

Лукреций, хорошо знавший древнегреческую философскую традицию, но уже использовавший латинскую терминологию, делает первый шаг к отступлению от указанного понимания времени как «слитого» с событием. Из различия вещей и пустоты Лукреций выводит понятие о времени как явлении, присущем одновре-

менно и вещам, и пустоте, таким образом, события не отождествляются ни с самими вещами, ни с пустотой, в которой они находятся [Лукрецій, 1988, с. 418–482]. В указанном отрывке Лукреций говорит о неощущимости пустоты и о такой же неощущимости времени. Следует отметить, что пустоту, именованную в древнегреческой философии термином гр. *χάρα* (*χάος*), Аристотель отождествил с «пространством» или «местом», именованным гр. *τόπος*, который имеет значение «пустое место». Продемонстрированное Т. Харитоновой сближение гр. *τόπος* с лат. *tempus* [Харитонова, 1992, с. 65] эксплицирует в последнем термине именно семантику «незаполненности» и, соответственно, понимание времени как ничем не заполненных интервалов.

Описанный выше смысл «незаполненности событиями» коррелирует с развитой позже «субстанционной» концепцией времени, известной как «абсолютное время» И. Ньютона, протекающее равномерно само по себе (прототип «след / отпечаток», предполагающий ассоциацию с незаполненной формой), т.е. несоотносимое с какими-либо событиями. Соответствующим такому взгляду на время есть и отсутствие у лат. *tempus* смысла «быстротечности», ассоциируемого именно с быстро происходящими событиями, как у гр. *χρόνος* и укр., блр. *часъ*.

Вопрос о лингвистической относительности лингвокультурных концептуальных метафор встает особенно остро в таких контекстах, где проблема их истинности или неистинности приобретает первостепенное значение, – а именно в контексте научного дискурса. Показательным является факт, что, несмотря на отказ от идеи абсолютного времени, в определенной мере инициированной латиноязычной философской метафорой ВРЕМЯ – ЭТО ПУСТОТА и господствовавшей в физике до начала XX в., современная наука все еще продолжает использовать исходную для упомянутой метафоры, которая содержит концептуализацию времени как линейной последовательности. Открытие неизменности скорости света выявило, что каждый наблюдатель имеет свою меру времени, фиксируемую его часами, и совсем не обязательно, что показания часов разных наблюдателей совпадут. Таким образом, время предстает как субъективное понятие, относящееся к наблюдателю, который его измеряет. Тем не менее, как отмечают С. Хокинг и Л. Млодинов в своей известной книге «Кратчайшая история времени», время в физике продолжают трактовать так, будто это пря-

мая железнодорожная линия, по которой можно двигаться только вперед или назад [Хокинг, Млодинов, 2014, с. 119].

Таким образом, можем заключить, что выявленные нами отличия в концептуализации философской категории времени в рассмотренных естественных языках в определенной степени вписываются в вышеприведенную типологию темпоральных систем В. Эванса, где первой дейктической системе соответствует осмысление времени, фиксируемое латинским термином *tempus*, линейной – философское понятие о времени, мотивированное гр. *χρόνος*, а внешней – типичное для Востока метафизическое понимание времени, обозначенное динд. *kālāh, vēlā*. Как свидетельствует концептуальный анализ, лингвистическая относительность может проявляться на уровне отдельных дискурсивных практик, в частности философского раздела метафизики, где особенности того или иного естественного языка в большей или меньшей мере обусловливают понимание базовой онтологической категории времени. Специфическая лингвокультурная метафора, определяющая данное понимание в философии, затем экстраполируется в научный дискурс, где она может выступать составляющей конкретной естественно-научной концепции или же целой научной картины мира. Перспективы дальнейших исследований времени как специфического лингвокультурного концепта предполагают как выход за пределы индоевропейской языковой семьи, так и выяснение того, демонстрирует ли абстрактная метафорическая категория времени какую-либо вариативность концептуализации в синхронном срезе при изучении фразеологических словосочетаний с темпоральным значением.

Список литературы

1. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. – М.: Мысль, 1981. – Т. 3: / Пер., статья и прим. Рожанского П.Д. – 613 с. – (Филос. наследие; Т. 83).
2. Етимологічний словник української мови (ЕСУМ): В 7-ми т. – Київ: Наук. думка, 1982. – Т. 1: / Під ред. Мельничука О.С. – 634 с.
3. Лукрецій Тит Кар. Про природу речей / Пер. з лат. Содомори А. – Київ: Дніпро, 1988. – 191 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1: (А-Д) / Пер. с нем. и доп. Трубачева О.Н. – 576 с.

5. Харитонова Т. А. Джерела філософської термінології. – Київ: Наук. думка, 1992. – 111 с.
6. Хокінг С., Младінов Л. Кратчайшая история времени / Пер. с англ. Б. Оралбекова Б.; под ред. Сергеева А.Г. – СПб.: ЗАО «Торг.-издат. дом “Амфора”», 2014. – 180 с.
7. Boroditsky L., Gaby A. Remembrances of times east: Absolute spatial representations of time in an Australian Aboriginal community // Psychol. science. – 2010. – Vol. 21. – P. 1635–1639.
8. Contours of time: Topographic construals of past, present and future in the Yupo valley of Papua New Guinea / Núñez R., Cooperrider K., Doam D., Wassmann J. // Cognition. – 2012. – Vol. 124 (1). – P. 25–35.
9. Evans V., Green M. Cognitive linguistics: An introd. – Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2006. – 830 p.
10. Evans V. Temporal frames of reference. – Режим доступа: <http://www.vyevans.net/TFoRs.pdf> (Дата обращения: 15.04.2015.)
11. Kövecses Z. Metaphor and culture // Acta univ. Sapientiae, philologica. – 2010. – Vol. 2 (2). – P. 197–220.
12. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1987. – 631 p.
13. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor / Ed. by Ortony A. // Metaphor and thought. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1993. – P. 202–251.
14. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Cognitive linguistics: Basic readings / Ed. by. Geeraerts D. – B.: Walter de Gruyter, 2006. – P. 185–238.
15. Núñez R., Sweetser E. With the future behind them: Convergent evidence from Aymara language and gesture in the crosslinguistic comparison of spatial construals of time // Cognitive science. – 2006. – Vol. 30. – P. 1–49.
16. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. – Bern; München, 1959. – Bd 1. – 1183 S.
17. When time is not space: The social and linguistic construction of time intervals and temporal event relations in an Amazonian culture / Sinha C., Sinha V., Zinken J., Sampaio W. // Lang. a. cognition. – 2011. – Vol. 3. – P. 137–169.